

Е. Г. Брунова
Тюмень, Россия

E. G. Brunova
Tyumen, Russia

**МИФОПОЭТИКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ
И КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

**MYTHOPOETICS
IN COMMUNIST PROPAGANDA:
LINGUOCULTURAL
AND COGNITIVE ANALYSIS**

Аннотация. Анализируются мифопоэтические элементы в коммунистической пропаганде советской эпохи: вера в миф, стереотипные метафоры и лингвокультурный бинарный код, основанный на противопоставлении «Своих» и «Чужих».

Abstract. The paper deals with the analysis of mythopoetic elements in the Communist propaganda of the Soviet period: the belief in the myth, stereotyped metaphors and the binary code based on the contrast Kin vs. Alien.

Ключевые слова: миф; поэтика; советский дискурс; социализм; капитализм; коммунистическая пропаганда; метафора; бинарный код; когнитивный анализ; вождь; враг; свой; чужой.

Key words: myth; poetics; Soviet discourse; socialism; capitalism; Communist propaganda; metaphor; binary code; cognitive analysis; leader; enemy; kin; alien.

Сведения об авторе: Брунова Елена Георгиевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков.

About the author: Elena Georgievna Brunova, Doctor of Philology, Head of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Тюменский государственный университет.

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, г.Тюмень, ул. Семакова, д. 10.
e-mail: egbrunova@mail.ru.

Целью нашего исследования является лингвокультурный и когнитивный анализ мифопоэтических элементов коммунистической пропаганды. Традиционно мифопоэтическое мышление связывают с древним обществом, донаучной эпохой, а не с реалиями новейшей истории. Мы склонны полагать, что элементы мифопоэтического мышления, характерные для древних обществ, не исчезают безвозвратно, а продолжают существовать в языковой картине мира. Кроме того, сегодня, когда минуло 20 лет после окончания советской эпохи, мы можем попытаться взглянуть на ее дискурс извне, в историческом контексте.

Изучая дискурс советской эпохи (1917—1991 гг.), мы обнаруживаем мифопоэтические элементы не только в сфере наивной картины мира, но и в сфере официальной идеологии. Хотя такие элементы можно найти практически в любой идеологии, их влияние на формирование языковой картины мира может существенно различаться [Arnold 1937; Kertzer 1988; Богданов 2001]. Что касается коммунистической идеологии, то некоторые исследователи культуры называют ее «сотворением мифа» [Булдаков 1997: 296], «лжерелигией» [Панченко 1996: 166], «продолжением мифа о Золотом Веке» [Элиаде 1996: 25].

Следует упомянуть и о размытости самого термина *миф*, который может трактоваться не только как «древнее народное сказание о легендарных героях, богах, о явлениях природы», но и как «недостовверный рассказ, выдумка; вымысел» [Ожегов, Шведова 1996: 351]. М. Элиаде, указывая на частое смешение значений слова *миф*, настаивает на необходимости для

ученого рассматривать миф «не в обычном значении слова как „сказку“, „вымысел“, „фантазию“, а так, как его понимали в первобытных и примитивных обществах, где миф обозначал, как раз наоборот, „подлинное реальное событие“ и, что еще важнее, событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания» [Элиаде 1995: 10].

Примечательно, что в русском языке у слова *миф* именно в советский период появились отрицательные коннотации. Подобно тому, как *религию* называли «опиумом для народа», так и *мифом* часто называли выдумки и беспочвенные фантазии. Единственным исключением было употребление этого слова по отношению к античному периоду, напр.: *мифы и легенды Древней Греции*. Применительно к дохристианской Руси избегали употреблять слово *миф*, ограничиваясь такими терминами, как *былина*, *сказания* и т. п. Исследования в области мифологии также не поощрялись вплоть до 1970—1980-х гг. (см. об изменении в отношении советской власти к мифологическим изысканиям: [Богданов 2009]).

Основные особенности мифопоэтического мышления были выявлены на основе изучения культуры древних обществ и соответствующих текстов, обычаев и ритуалов. В данной статье мы рассмотрим три из них:

- **Вера в миф.** М. И. Стеблин-Каменский называл миф повествованием, «которое там, где оно возникало и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно» [Стеблин-Каменский 1976: 5; см. также Элиаде 1996: 26]. Когда вера в истинность мифа утрачивается, картина мира рушится. Для сторонне-

го наблюдателя миф представляется выдуманной. Противоречие в понимании мифа является проявлением фактора наблюдателя, или, если использовать термин Б. А. Успенского, категории точки зрения [Успенский 2000].

• **Образность мышления.** Мифопоэтическая картина мира строится на метафорах и ритуальных действиях, однако эти метафоры и ритуалы принципиально отличаются от авторской (художественной) метафоры и театрального действия, поскольку в их основе лежит вера, допускающая абсолютное слияние с образом, а не эстетические соображения. Так, Э. Кассирер пишет: «У истоков мифологических действий ... — *мимическое* действие, которое никак не обладает лишь „эстетическим“, театральным смыслом. Танцор, появляющийся в маске бога или демона, не просто подражает богу или демону, а принимает их натуру, превращается в них и сливается с ними» [Кассирер 2001: 247].

• **Бинарный код, обеспечивающий целостность.** Устойчивость и целостность мифопоэтической картины мира обеспечивается строгой системой бинарных оппозиций: *Священное vs. Мирское, Центр vs. Периферия, Верх vs. Низ, Свой vs. Чужой, Чет vs. Нечет* и т. д. [Гуревич 1972; Топорова 1994; Брунова 2007].

Несмотря на то что марксизм позиционировал себя как научное направление, вопрос веры в нем занимал не последнее место. Символом веры звучит тезис диалектического материализма: *Материя первична, сознание вторично*. Сила марксизма объясняется с позиции веры: *Учение Маркса всецельно, потому что оно верно*.

В основе ожесточенной борьбы с религией, проводимой в советскую эпоху, лежало не что иное, как установление новой веры. Подобно тому как христианские храмы строились на месте языческих капищ, на месте разрушенных храмов возводились новые святилища, ср. идею строительства Дворца Советов на месте взорванного храма Христа Спасителя.

Вместо религиозных праздников народу предлагались новые «красные дни календаря», вместо Рождества Христова советские люди стали праздновать Новый год, вместо религиозных обрядов крещения, венчания и отпевания создавались новые ритуалы, связанные с рождением (октябрины, звезды и т. п.), вступлением в брак (комсомольские свадьбы и т. п.) и смертью (оркестр, играющий марши, красная звезда на могиле вместо креста).

Канонизация вождей выражалась в ряде ритуалов, напоминающих религиозные таинства. Видных деятелей ВКПб/КПСС хоронили у Кремлевской стены, как в прежние времена самых достойных прихожан хоронили около христианских храмов. После смерти тело В. И. Ленина (а на некоторое время — и И. В. Сталина) было помещено в Мавзолей, куда приходили миллионы людей, чтобы поклониться вождю. Перед Мавзолеем несколько раз в год прохо-

дили парады и демонстрации, при этом действующие лидеры стояли на трибуне самого Мавзолея, а демонстранты несли портреты вождей, как верующие во время крестного хода несут образа и хоругви.

Создание мифа о революционном вожде проходило на фоне «разоблачения» религии, массового вскрытия мощей святых. Б. Маршадье справедливо связывает эти два процесса: «советская власть на протяжении своей истории быстро поняла, какую пользу она может извлечь из народной религиозности, если только ей удастся изгнать из нее христианство» [Маршадье 2004: 571]. Становление «новой веры» происходило в условиях неизбежного двоеверия, когда христианские символы и формы соседствовали с коммунистическими. В красном углу крестьянской избы рядом с иконой мог появиться портрет коммунистического вождя. Впоследствии на заводах, в колхозах и воинских частях появляются Красные уголки и Ленинские комнаты, где уже ничего не остается от христианской символики, однако сходство между словосочетаниями *красный угол* и *Красный уголок* вряд ли можно считать совпадением, ср.: «*Красный угол* — в избе, передний, старший, где иконы и стол. <...> Красный угол обычно обращен к юго-востоку; солнце утром входит в избу передними, красными окнами» [Даль 2002: 771]; «*Красный уголок* — помещение для политической и культурно-просветительной работы, соответствующим способом оборудованное» [Толковый словарь 2001: 577]. Возникнув первоначально в казармах частей Красной армии в 1921 г., Красный уголок представлял собой один из свободных углов спальни с портретами вождей революции, фотографиями и лозунгами. Под портретами могли быть столики для игр, написания писем и чтения. Затем Политуправление РККА ввело Красные уголки как отдельные комнаты во всех частях для проведения повседневной политикопросветительной работы. В 1924 г. армейские Красные уголки были переименованы в Ленинские комнаты.

В семантическом плане слово *красный* в сочетании *красный уголок* ассоциируется не только со значением «почетный, старший», но и с Красным Знаменем, символом революции. Любопытно появление уменьшительного суффикса в слове *уголок*. Это, видимо, является указанием на необширность казармы 1920-х гг., к тому же позволяет отмежеваться от *красного угла* крестьянской избы.

В советском изобразительном искусстве, особенно 1920—1930-х гг., использовались традиции, восходящие к иконописи; ср., напр., некоторые панно, выставленные в Музее истории религии (Санкт-Петербург), выполненные в технике палеха. На одном из них изображена праздничная демонстрация. В центре — лик В. И. Ленина на Красном Знамени и лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Во-

круг — радостные люди в национальных одеждах, улыбающиеся дети в школьной форме. На заднем плане — Московский Кремль и небо, озаренное салютом. Подобная «православная» традиция встречается и в поэзии, прежде всего в произведениях представителей Пролеткульта: *Вулканился радостью сердце коллективное, // Огненными зорями пылают полотна ярко-алы, // Озаряя гремющий путь всемирного восстанья...* // *Под арками — кружево человеческих сцеплений...* // *Над ними реет Святая Пролетарская Троица: // Отец — бессмертный Маркс, сын — великий Ленин // И дух — Коммуна, в знаменах узорится...* (И. Садофьев. Именины пролетарской революции).

Концепция Пролеткульта подвергалась жесткой критике со стороны советского руководства, которое обвиняло его приверженцев в противоречии между буржуазной формой и коммунистическим содержанием. По нашему мнению, само существование подобного течения есть не что иное, как естественное проявление двоеверия.

Революция в произведениях советских поэтов нередко сравнивается с Рождеством и Крещением, ср.: *Не святой уже — другой, земной Владимир // крестит нас железом и огнем декретов...* (В. Маяковский. Киев).

Советский дискурс содержит немало лозунгов, задача которых заключалась в укреплении веры в марксистскую идеологию, например лозунги об актуальности ленинского учения и клятвы в верности этому учению: *Ленин умер, но дело его живет! Заветам Ленина верны! Ленин с нами!* Последний лозунг является не чем иным, как перифразом известной христианской формулы *С нами — Бог!*

Подобные представления весьма трудно объяснить с материалистических позиций, которые декларировались официальной идеологией. Борясь с религией как «пережитком прошлого», коммунистическая идеология, разумеется, не признавала собственной мифологичности. С. Ю. Неклюдов по этому поводу пишет: «Атеистическая по форме и устремлениям советская идеология может быть истолкована как религиозно-мифологическая. Она имеет собственную „священную историю“, свои „кануны“ в виде „революционных событий 1905 года“ (действия, дублирующие „главное“ свершение и предвещающие его), своих предтеч (революционные демократы XIX века), своих демиургов и пророков, подвижников и мучеников, свои ритуалы, и обрядовый календарь» [Неклюдов 2000: 30].

Когнитивная теория рассматривает метафорический перенос значения как языковое отображение аналоговых возможностей человеческого мышления [Чудинов 2001]. Коммунистическая пропаганда оперировала определенным набором стереотипных метафор, например, слово *капитализм* сопровождалось такими пейоративными эпитетами, как *загниваю-*

щий, умирающий, дряхлеющий, в основе которых лежит сравнение капитализма со стареющим организмом, исчерпавшим свой жизненный ресурс. Социализм, напротив, представлялся *развитым*, его *строили*, его сторонников называли *прогрессивным человечеством*, *растущими силами мира* и т. д. Подобные метафоры столь же далеки от авторских метафор, что и метафоры древних мифопоэтических текстов, и столь же схожи с последними: они несут не эстетическую, а когнитивную нагрузку, маркируют *Своих* и *Чужих*.

Квинтэссенцией *Своих* представляется метафорический образ коммунистического вождя. Этот образ, реализованный в советском поэтическом дискурсе, носит поистине всеобъемлющий характер: вождь сравнивается не только с божеством, но и с представителями животного мира, с веществами и орудиями. В «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович отмечает метафоры коммунистического вождя [Павлович 1999: 63—64]. Ниже предлагается наша классификация метафор вождя в советском дискурсе, основанная на примерах Н. В. Павлович и на собственных данных.

Таблица 1

Образ коммунистического вождя в советском дискурсе

Вождь — человек	Ленин — рулевой / пилот
	Дедушка Ленин
	Сталин — отец народов
	Сталин — учитель
	Сталин — зодчий
Вождь — божество	Маркс, Ленин, Коммуна — Святая Троица
	Ленин — вечно живой
	Сталин — это Ленин сегодня
Вождь — животное	Ленин — красный олень
Вождь — птица	Ленин — орел
	Сталин — орел
Вождь — рыба	Ленин — осетр
Вождь — свет	Ленин — солнце
	Каутский — полоска зари
Вождь — орудие	Ленин — аккумулятор / рентген / линза
	железный чекист / коммунист / Феликс
Вождь — вещь	кремниевый коммунист
Вождь — орган	Ленин — сердце России / печень Руси

Мы можем наблюдать рождение мифа о вечной жизни вождя: *Залили горем. Свезли в мавзолей // частицу Ленина — тело. // Но тленью не взять — ни земле, ни золе — // Первейшее в Ленине — дело. // Смерть, косу положи! Приговор лжив. // С таким небесам не блажить. // Ленин — жил. Ленин — жив. Ленин — будет жить.* (В. Маяковский. Комсо-

мольская); **Ленин и теперь живет всех живых.** // *Наше знание — сила и оружие.* (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин).

В строках В. Маяковского, написанных сразу после смерти вождя, мы видим живую, мощную метафору, в которой звучит горечь потери человека, естественная психологическая реакция отрицания в состоянии горя. Позже эти строки стали лозунгами, человек превратился в миф, а метафора сделалась застывшей, мертвой. В данном состоянии эту метафору можно встретить в поэтических произведениях, ср.: *Судьбы народов, мечты поколений // Провидел он взором орлиным своим. // Бессмертный, как жизнь, вечно жить будет Ленин // В делах мудрой партии, созданной им.* // (Ю. Каменецкий. Песня о Ленине); **Ленин всегда живой, // Ленин всегда с тобой!** — // *В горе, надежде и радости. // Ленин в твоей весне, // В каждом счастливом дне, // Ленин в тебе и во мне!* (Л. Ошанин. Ленин всегда с тобой). Мифологизированный образ В. И. Ленина стал олицетворять жизнь вообще, жизнь как наивысшую человеческую ценность. Этот образ, демонстрирующий параллель с мифом о переселении душ, предполагает, что душа вождя (или уже божества?) должна вселиться не только в нового вождя (ср. лозунг *Сталин — это Ленин сегодня*), но и в каждого советского человека.

Что касается *Чужих*, то образ врага в коммунистической пропаганде был подробно исследован Д. Вайсом. В его работах [Вайс 2008а, 2008б, 2009] выявляется ряд метафор, обозначающих врага. Ниже предлагается наша классификация метафор врага в советской пропаганде, составленная на примерах Д. Вайса и на собственных данных.

Таблица 2
Образ врага в советском дискурсе

Враг — человек (преступник)	империализм — грабитель / шантажист / разбойник / махинатор
	правительство США — душитель народа
	правительство Чан Кай-ши — шпионы и убийцы в рясах
	правительство США — создатель банд
	правительства капстран — танцоры атомного канкана
Враг — человек (психически больной)	империализм — подверженный бредовым идеям
	правительство США — истерик / разжигатель военного психоза
Враг — неживой объект	контрреволюция — грязь
	фашист — нечисть
	капитализм — гниющая плоть
Враг — паразит	капитализм — паразит
	пережитки капитализма — сорняки / плесень
	поп — паук-кровосос

Окончание таблицы 2

Враг — паразит	богач — клоп
	буржуазия — жирные мухи
	американская агентура — лес, который надо выкорчевать
Враг — дикое животное	фашист — зверь / стервятник / людоед / крыса
	капиталист — акула / волк
	Геббельс — обезьяна
	США — кровожадный хищник
	капитализм — голодная лиса
	Уолл-Стрит — заокеанский осьминог
Враг — домашнее животное	империалист — свинья
	фашист — свинья / мокрая курица
	Гитлер — кобыла
	капитализм — старый конь
	антисоветчик — поганый пес
	капиталист — цепной пес
	фашист — боевой пес
	послевоенная Германия — гончая собака
	Энвер Ходжа — неблагодарный пес
Враг — выдуманное существо	контрреволюция — гидра

Лингвокультурный бинарный код был впервые исследован на материале доисторических обществ, в которых любое природное или социальное явление идентифицировалось как *Священное* или *Мирское* [Eliade 1979]. Язык коммунистической пропаганды имеет много общего с этим древним кодом, поскольку наделяет священными характеристиками все *Свое* и демонизирует все *Чужое*. Необходимо уточнить, что в древних языках под *Своим* подразумевался родственник, свой по крови, свободный человек, а под *Чужим* — раб или враг, т. е. потенциальный раб [Бенвенист 1995: 219]. *Свой* в советском дискурсе означает не *общий по крови*, а *общий по принадлежности к общественному классу*, что напоминает военную систему идентификации *Свой / Чужой*. Бинарность лингвокультурного кода коммунистической пропаганды позволила некоторым исследователям выдвинуть концепцию *идеологической диалогии* [Ворожбитова 2000], *двойного языка* [Серио 2008], *советского новояза* [Сарнов 2002]; ср. также польск. *owo towa*, серб. *novogovor*.

Рассмотрим данный феномен более подробно на примере контекстного анализа пропагандистского издания Я. Темкина и Е. Черняка «Разбойничий путь американских агрессоров», объемом 215 с. [Темкин, Черняк 1952]. Выбор источника объясняется тем, что на 1950-е гг. приходится разгар холодной войны, обострение отношений между СССР и США, поэтому образы «своих» и «чужих» представлены в данной работе достаточно ярко.

Задачей нашего анализа является определение сочетаемости слов *социализм, комму-*

низм, советский, капитализм, империализм, а также их производных. Результаты анализа мы обобщим в виде таблицы, в которой указывает-

ся исследуемое слово и его определения или определяемые им слова, т. е. слова, находящиеся в ближайшем с ним контексте.

Таблица 3

Контекстный анализ слов социализм, коммунизм, советский, капитализм, империализм и их производных

Исследуемое слово	Кол-во маркеров	Лингвокультурный маркер (определение / определяемое слово)
Свои	28	
социализм	0	
социалистический	16	<i>Родина, революция, хозяйство, Отечество, партия, сознание, ценности, система, содружество, общежитие, демократия, права, реализм, тип (личности), экономика, завоевание</i>
коммунизм	0	
коммунистический	4	<i>партия, лидер, манифест, строительство</i>
советский	7	<i>люди, предложение, гражданин, патриот, патриотизм, воин, граница</i>
антиимпериалистический	4	<i>движение, демонстрация, тенденция, война</i>
антикапиталистический	1	<i>настроение</i>
Чужие	112	
капитализм	2	<i>гибнущий, монополистический</i>
капиталистический	10	<i>окружение, противоречие, рабство, машина (манипулирования), цитадель, предпринимательство, бизнес, Запад, отношение, образ (жизни)</i>
империализм	3	<i>кровавый, бешеный, американский</i>
империалистический	42	<i>хищник, война, нападение, реакция, агент, агентура, колонизатор, буржуазия, идеолог, реакция, противоречие, политика, экспансия, конкурент, план, блок, гнет, поджигатель (войны), агрессор, правящие круги, соперник, пропаганда, клан, диверсант, атака, Запад, интервенция, служба, руководство, акция, орган (войны), влияние, господство, вдохновитель (гонки вооружений), профессионал (психологической войны), верхушка, союз (военный), ценник (оплаты за предательство), военщина, солдатня, машина (военная), союзник</i>
американский	11	<i>захватчик, легенда, империалист, агрессор, империя, правящие круги, фальсификатор истории, лжец, доллар, война, континент</i>
антисоветский	42	<i>поход, политика, пропаганда, кампания, курс, война, плацдарм, блок, мышление, установка, информация, сборище, программа, настроение, орган (СМИ), радио-война, линия, направленность, акция, домысел, выпад, намек, предположение, комментарий, статья, поделка, тема, боевик (фильм), лента (фильм), стряпня, миф, легенда, тенденция, материал, толк, воздействие, ложь, организация, мифотворчество, концепция, истерия, риторика</i>
антикоммунистический	2	<i>истерия, пропаганда</i>

Из результатов анализа были изъяты слова, используемые по отношению как к своим, так и к чужим: *держава, страна, государство, центр, система, строй, общество, мир, Вооруженные Силы, развитие, народ, армия, правительство, лагерь, сила*.

В результате контекстного анализа выявлено количественное несоответствие: на 28 лексем для маркирования *Своих* приходится 112 лексем для маркирования *Чужих*, причем для слов *социализм* и *коммунизм* определений не зафиксировано. Вряд ли такую разницу (почти в 4 раза) можно объяснить только темой источника (внешняя и внутренняя политика США). Обращает на себя внимание, что лексемы, маркирующие *Своих*, относятся к стилистически нейтральной лексике, тогда как среди маркеров *Чужих* встречается пейоративная лексика, иногда переходящая в инвективу (*военщина, солдатня, стряпня, сборище* и т. п.), а также лексика с отрицательными коннотациями

(*фальсификатор, агрессор, ложь, истерия* и т. п.).

Учитывая сакрализацию *Своих* в советском дискурсе, мы вправе ожидать не нейтральной, а возвышенной стилистики ближайшего контекста. Однако нужно принимать во внимание, что нейтральный контекст, а также отсутствие эпитетов (нулевые эпитеты) могут маркировать ценности, считающиеся истиной per se, например *социализм* и *коммунизм*, в то время как реалии *Чужих* непременно нуждаются в оценке, ср. *загнивающий капитализм*.

Представим фрагмент бинарного кода коммунистической пропаганды в виде таблицы (см. табл. 4).

Стремясь дать общее представление о бинарной природе коммунистической пропаганды, мы, разумеется, не претендуем на полноту указанного перечня. При желании его можно продолжить. Более важно, на наш взгляд, то, что любое явление, любой поступок так или иначе

соотносились с этой классификацией, а сама она носила системный характер и являлась основой множества мифологем.

Таблица 4
Бинарный код коммунистической пропаганды

Свой	Чужой
Социализм	Капитализм
Мы	Они
Восток	Запад
Новый мир	Старый мир
Свет	Тьма
Будущее	Прошлое
Рост, развитие	Гниение, смерть
Прогресс, авангард	Реакция
Созидатель, строитель	Разрушитель
Мир	Война
Равноправие	Бесправие
Труд	Безработица
Благополучие	Нищета
Человек человеку друг, товарищ и брат	Человек человеку волк

Мифологемы могли строиться на противопоставлении любых разнополюсных концептов, в том числе приведенных в табл. 4, напр.: *Советскому Союзу, ведущей силе лагеря социализма, демократии и прогресса, ныне противостоят США — оплот капитализма, центр притяжения сил международной реакции и агрессии* [Там же: 142]. *В старом мире — рабство. В новом мире — братство* [Надпись на плакате].

Метод контраста между Своим и Чужим часто использовался в советских плакатах, напр: *У них — бесправие, безработица, нищета // У нас — равноправие, свобода, благополучие* [Мокиенко, Никитина 2005: 45]; *Мы мирная страна, // Нам не нужна война. // Они хотят войны — // Они обречены* [Они без маски 1952: 81].

Другое направление конструирования мифологем заключалось в уравнивании однополюсных концептов, в том числе приведенных в столбцах табл. 4, ср.: *Социализм и мир неотделимы друг от друга* [Темкин, Черняк 1952: 210].

Нельзя не упомянуть и еще об одном уникальном явлении, характерном для советского дискурса: для номинации некоторых однотипных социально-политических феноменов используются разные лексемы, в зависимости от того, о ком идет речь — о своих или о чужих. Невозможно представить, например, словосочетание **наш советский шпион* — только *наш советский разведчик*. Некоторые примеры двойных номинаций приведены в таблице 5.

На закате советской эпохи эффективность коммунистической пропаганды начала стремительно снижаться. Умирание мифа о коммунистическом вожде началось тогда, когда над ним

начали иронизировать, хотя редующие верующие еще воспринимали такую иронию как кощунство. Так, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. *мавзолеем* стали называть место, куда всегда стоит очередь, например винный магазин [Мокиенко, Никитина 1995: 227], а название *Ленин с нами* получила очень широкая кровать [Там же: 218]. Бинарный код коммунистической пропаганды высмеивался в анекдотах, что свидетельствует об утрате веры и разрушении привычных стереотипов: *Служивцы рассказывают человека, вернувшегося из поездки в капстрану: — Как там капитализм? Загнивает? — Да, но какой аромат!* (Анекдот).

Таблица 5
Примеры двойных номинаций
в коммунистической пропаганде

Свой	Чужой
армия	военщина / солдатня / милитаристы
военачальник	вояка
революция	переворот/ путч
правительство	клика / верхушка
классовая борьба	полицейский террор
разведчик	шпион
союзник	прихвостень / марионетка
борец за свободу	бандит

Как показало наше исследование, вера в миф — неотъемлемая характеристика мифологического мышления, а противоречие в понимании мифа — проявление категории точки зрения, которая вполне может быть применена к мифу как тексту. Для общества, объединенного соответствующей традицией, миф воспринимается как реальность, а для стороннего наблюдателя представляется выдумкой и фантазией.

Метафоры, используемые коммунистической пропагандой, применяются для прямого познания объектов, в отличие от художественных тропов, которые используются для выражения авторского отношения к миру. У пропагандистских метафор главной функцией является когнитивная (идентификация Своих и Чужих), а не эстетическая.

Мифопоэтика коммунистической пропаганды базируется на двух образах-антагонистах: образе коммунистического вождя, квинтэссенции Своих, и образе врага, квинтэссенции Чужих. Образ коммунистического вождя носит всеобъемлющий характер, вождь сравнивается не только с божеством, но и с представителями животного мира, с веществами и орудиями, подобно тому, как в древних мифах божество олицетворяло Вселенную. Враги маркируются образами мусора, падали и грязи либо образами опасных представителей животного мира, т. е. угроз со стороны природного окружения. Маркирование образами преступника или психически больного человека связано с типичными

опасностями, исходящими от социума. По сути, коммунистическая пропаганда обращалась к древнейшим архетипам человеческого сознания.

Образы-антагонисты обеспечивали идентификацию *Своих* и *Чужих* и порождали бинарный код коммунистической пропаганды, который носил системный характер и, в свою очередь, служил источником множества мифологем.

ЛИТЕРАТУРА

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. — М.: Прогресс-Универс, 1995.

Богданов К. А. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. — М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. — СПб.: Искусство-СПБ, 2001.

Брунова Е. Г. Представления о своей земле в английском языке и культуре // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2007. № 15 (93). С. 33—41.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М.: Росспэн, 1997.

Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25). С. 19—35.

Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы (часть 2) // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 39—47.

Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 16—22.

Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Воронеж, 2000. Вып. 2 : Язык и социальная среда. С. 21—42.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 1.

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. : Мифологическое мышление. — М. ; СПб.: Университетская книга, 2001.

Маршадье Б. Вскрытие мощей в первые годы советской власти // Страницы: Богословие. Культура. Образование. — М., 2004. Т. 9. Вып. 4.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — М.: АСТ, 2005.

Надпись на плакате 1922 г. URL: <http://digitalgallery.nypl.org/nypldigital/id?416694> (дата обращения: 20.04.2011).

Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России. — М.: АИРО-XX, 2000.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗЪ, 1996.

Они без маски / стихи С. Михалкова ; рис. Б. Абрамова. — М.: Гос. изд-во культурно-просветит. лит., 1952.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале рус. худож. лит. XVIII—XX вв. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1.

Панченко А. М., Панченко А. А. Осьмое чудо света // Полярность в культуре : альманах «Канун». СПб., 1996. Вып. 2.

Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. — М.: Материк, 2002.

Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160—168.

Стеблин-Каменский М. И. Миф. — Л.: Наука, 1976.

Темкин Я., Черняк А. Разбойничий путь американских агрессоров. — М.: Воениздат, 1952.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Вече. 2001. Т. 1.

Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. — М.: Эдиториал УРСС, 1994.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. — СПб.: Азбука, 2000.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; УрГПУ. — Екатеринбург, 2001.

Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: Инвест-ППП, 1995.

Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. — Киев: Валкер, 1996.

Arnold T. The Folklore of Capitalism. — New Haven: Yale University press, 1937.

Eliade M. Le sacré et le profane. — Paris: Gallimard, 1979.

Kertzer D. Ritual, Politics, and Power. — New Haven: Yale University press, 1988.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов